

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.64>

Кадимов Руслан Гаджимурадович

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И СЕМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению проблемы несоответствия между недостижимой высотой, на которую каждый народ возносит своего поэта, и трудностью рационального объяснения конкретной пользы поэзии для отдельного человека. Автор рассматривает одну из причин востребованности поэзии, которая заключается в установлении новых, не закрепленных в национальном языковом сознании семантических связей между реалиями действительности. Обосновывается идея о том, что необычными сочетаниями слов поэты накапливают семантический потенциал отдельных слов и всего национального языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/64.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 312-316. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.1/8

Дата поступления рукописи: 22.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.64>

Статья посвящена рассмотрению проблемы несоответствия между недостижимой высотой, на которую каждый народ возносит своего поэта, и трудностью рационального объяснения конкретной пользы поэзии для отдельного человека. Автор рассматривает одну из причин востребованности поэзии, которая заключается в установлении новых, не закрепленных в национальном языковом сознании семантических связей между реалиями действительности. Обосновывается идея о том, что необычными сочетаниями слов поэты накапливают семантический потенциал отдельных слов и всего национального языка.

Ключевые слова и фразы: востребованность поэзии; семантический потенциал; дискретность; национальный язык; валентность; метафоричность.

Кадимов Руслан Гаджимурадович, д. филол. н., профессор
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
yazik-kultura@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И СЕМАНТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Актуальность данного исследования заключается в обсуждении вопроса о конкретной пользе поэзии для отдельного человека и раскрытии одной из причин её востребованности народом. **Научная новизна** исследования связана тем, что в статье посредством анализа смысловой структуры входящих в поэтический троп слов обосновывается необходимость буквального понимания значения метафорического словосочетания и опровергается положение, в соответствии с которым одним из основополагающих принципов поэтического образа является условность.

Цель исследования – обоснование факта беспрецедентно высокой оценки поэтического труда обществом при отсутствии у каждого носителя языка рационального объяснения причин востребованности поэзии. Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: обнаружить изменения в семантических структурах слов, образующих метафорическое сочетание, а также выявить конкретную пользу поэзии для отдельного носителя языка.

Часто человек не воспринимает парадоксальности многих явлений жизни, ставших для него обычными. К примеру, известно, что каждый народ более всех своих представителей ценит и почитает поэтов и писателей. В то же время редко кто может дать внятный ответ на вопрос – почему (обычно указывают на познавательную и воспитательную функции литературы, которые являются основными для таких форм общественного сознания, как наука и педагогика; литература же данные функции выполняет попутно, да и поэты не видят их в качестве своей основной задачи).

Обозначенный парадокс связан с явным несоответствием между 1) той недостижимой высотой, на которую народ возносит поэта, и 2) трудностью ответить на вопрос о том, какую практическую пользу принес конкретный поэт своему народу. Говоря о роли поэта, часто затрудняются даже вспомнить высказанные им глубокие мысли, за которые его можно было бы почитать так высоко. Выходит, не за идеи и открытия, имеющие теоретическое или практическое значение, ценят поэтов, а за их способность «играть в слова», складно сочинять стихи, что, по мнению многих, больше похоже на забаву. Тем не менее талантливейшие люди, правившие страной, выигравшие сражения и войны и спасшие этим страну от порабощения, ученые, совершившие научные открытия, создавшие автомобили и самолёты, телевизоры и телефоны, без которых сегодня мы не можем обходиться, почитаются и знамениты меньше, нежели поэты, которые тем только известны, что «складно манипулировали словами». Здесь можно привести слова чиновника Министерства народного просвещения М. Дондукова-Корсакова, высказанные издателю и журналисту А. Краевскому в связи с публикацией им некролога о Пушкине:

«Я должен вам передать, что министр (Сергей Семенович Уваров) крайне; крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! “Солнце поэзии!!”. Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!” Какое это такое поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!..» [4, с. 614-615].

Хотя и сам Пушкин иногда может назвать свой труд забавой («*Небрежный плод моих забав, // Бессонниц, легких вдохновений...*» [12, т. 4, с. 5]), он как никто другой знает цену истинной поэзии: «*Я памятник себе воздвиг нерукотворный... / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа*» [Там же, т. 2, с. 225]. Действительно, в богатой истории России сегодня Пушкина почитают выше любого из выдающихся представителей народа (Пушкин – наше всё!). Этот факт подтверждается и отмечавшимся беспрецедентным образом 200-летним юбилеем Пушкина, когда за много месяцев до дня рождения поэта каждый вечер на телеэкране появлялась заставка, сообщавшая количество остающихся до заветного числа дней, и приводился эпизод о жизни и творчестве поэта. Такой чести не удостоивался никто! Позже нечто похожее мы видели, когда в стране отмечался юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Симптоматично, что личность поэта воспринимается явлением, соотносимым с победой всего народа. В известном стихотворении «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтов говорит

о Пушкине: «*Не мог понять в сей миг кровавый, На что он [Дантес] руку поднимал!..*» [7, с. 62]. Употребление вместо слова «кого» неодушевленного местоимения «что» является удачной находкой Лермонтова: в данном случае эта деперсонализация не принижает, а безмерно возвышает Пушкина и возводит его до уровня явления.

Народ ценит своих поэтов столь высоко, несмотря на то, что каждый отдельный представитель не всегда может дать ясный ответ, почему он ценит поэта, какую пользу приносит поэзия отдельному человеку. И вообще – что такое поэзия? Очевидно, что, если бы поэзия не содержала в себе пользы, она не была бы столь востребована. Все трудности определения поэзии, по нашему мнению, связаны со сложностью рационального объяснения того, чем обусловлена востребованность поэзии.

Причины востребованности поэзии связаны с:

- 1) особенностями происхождения её материала – языка, роль и значение которого трудно переоценить;
- 2) свойствами и структурой семантических единиц – слов;
- 3) онтологической сущностью поэзии, которая реализуется посредством особенностей стихотворной формы;
- 4) феноменом её эстетической привлекательности;
- 5) установлением новых, не закреплённых в национальном языковом сознании семантических связей между реалиями действительности.

Подробно остановимся на последней из причин.

Как известно, любой язык состоит из увиденных и «схваченных» сознанием (осмысленных) эпизодов действительности, смысл которых человек закрепляет в словах-обозначениях. Мир цел и неделим, а слова разрозненны и выражают смыслы лишь отдельных его сегментов. Поэтому языки характеризуются фрагментарностью и далеко не покрывают смысловое пространство окружающей действительности. Поскольку любой язык дискретен по своей природе и располагает определённым (ограниченным!) количеством слов, можно отметить связанное с этой особенностью непереносимое искажение мысли при её появлении. Так как перманентное содержание мира целиком не отражено в языке, слова, как закрепившиеся в сознании человека смысловые сгустки, только отдельными кочками выступают из содержания мира и бытия.

Если сравнить слова с камнями, выступающими на поверхность неглубокой реки, то нетрудно представить, что передвигающийся по словам-камням человек окажется не в той точке другого берега, где хотел оказаться, а попадет туда, куда привело наличие торчащих из воды камней. Происходит невольное искажение мысли, своего рода абберрация – отклонение и неточность, вызванные несовершенством самой системы языка (ср. в этой связи слова Ф. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь...»). Абберрация уводит человека от того, что он хотел сказать, поскольку формирование мысли направляется необходимостью выбора имеющихся в языке слов, которыми он невольно вынужден пользоваться в качестве строительного материала мыслительной деятельности.

Если обычный человек, в чьей деятельности отсутствует творческое начало, ограничиваясь часто используемыми словами и достаточно освоенными смыслами, занимается повторением и цитированием того, что уже миллионы раз повторялось, то творческая личность – будь то лирик или физик – пытается выразить новый, ещё не выраженный до него смысл. Как писал Вознесенский:

Нету «физиков», нету «лириков» –

Лилипуты или поэты [5, т. 1, с. 321]!

По Вознесенскому, Ньютон и Галилей, Еврипид и Лобачевский, Эйнштейн и Бор – «поэты», ибо любое гениальное открытие содержит в себе элемент поэзии. В отличие от ремесленников, которые идут по проторенным дорогам, творцы прокладывают новые пути в мировом смысловом пространстве. Собственно в поэзии последнее осваивается необычными сочетаниями слов, между которыми устанавливаются новые семантические мосты посредством метафор и сравнений. Тем самым поэты стремятся преодолеть ощущаемую ими разрозненность мира, которая находит свое отражение и в языке. Связанное с этим драматическое восприятие жизни точно выразил выдающийся лирик и теоретик литературы И. Ф. Анненский, который тяготился расколом сознания: «Поэзия, в силу абсурда цельности, стремится объединить или, по крайней мере, хоть проявить иллюзорно единым и цельным душевный мир...» [1, с. 109]. Поэзия заполняла для Анненского мучительные просветы в языке и сознании, которые он так болезненно воспринимал: «*Как странно... просвет, а печальной // Сплошной и туманной гряды*» [2, с. 187].

Путь возможного преодоления этого раскола цельности, возможного заполнения бледных просветов в нашем сознании Анненский находит в поэзии:

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты,
И меж намеков красоты
Нет утонченной и летучей...

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир – мираж, влюбилась ты
В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные цветы.

Неощутима и незрима,
Ты нас томишь, боготворима,
В просветы бледные сквозя,

Так неотвязно, неотдуманно,
Что, полюбив тебя, нельзя
Не полюбить тебя безумно [Там же, с. 210].

В то же время слова также обособлены друг от друга – между ними, между определенными их значениями остаются просветы, которые не устраивают, мучают поэта. Он пытается заполнить промежутки между значениями слов. Вряд ли в русской литературе можно назвать другого поэта, у которого бы так часто встречались сложные слова с дефисным написанием, как у И. Анненского¹. Эта особенность его поэтики непосредственно связана с философией поэта, для которого тема нераздельности-неслиянности является одной из самых важных.

По нашему мнению, склонность поэта к столь частому употреблению сдвоенных слов имеет глубокий подтекст, лежащий в области философии языка. Здесь мы наблюдаем попытки заполнить «просветы» между словами, что есть стремление освоить неохваченное языком смысловое пространство действительности. Именно этой цели служат все создаваемые гениальными поэтами тропы (метафоры, сравнения и т.д.), которые в последующем часто переходят в разряд общеупотребительной лексики (*дождь идет, время летит, наступило утро, солнце зашло, бросается в глаза, давление поднялось, температура упала, ножка стула* и т.д.). Метафоричность являет собой не что иное, как обнаружение неожиданных связей, которые способствуют развитию языка. Ещё А. А. Потебня называл метафоричность «всегдашним свойством языка» [10, с. 434].

Основной причиной востребованности поэзии, разумеется, является свойственное поэтам глубокое постижение реальной действительности. Однако при весьма распространенной, но ошибочной установке, что поэтические образы (метафоры, сравнения и др.) обозначают условную реальность (это является одной из главных причин непонимания многими феномена искусства), – обесмысливается само содержание поэзии, которая в таком случае не была бы столь востребована. В то же время содержание поэтических тропов обозначает никакую не условность, а самую что ни на есть реальность: это обнаруживается при более глубинном анализе смысловой структуры слова, где соотносимые поэтом компоненты значений в двух словах совпадают абсолютно.

Если наименьшей единицей формы слова являются буквы и звуки, то, как известно, значение слова (семантика) также не является чем-то неделимым, а складывается из целого ряда наименьших единиц – сем, которые в совокупности образуют семантическую структуру слова. Необычным для контекста словом поэт так точно характеризует объект, что после этого указанный компонент значения в качестве семы дополняет смысловую структуру определяемого слова и входит в нее на постоянной основе. Если говорить, к примеру, о фразе *глаза, как небо, голубые*, то сравнение с небом условностью не является, поскольку в буквальном смысле называется тот цвет (неба), на который указывается (так компонент «небесно-голубой» становится частью семантической структуры слова «глаза»).

Усмотрев и актуализировав вполне конкретный признак в далеких по смыслу реалиях, поэты на глубинном уровне связывают обозначающие их слова общей семой, что делает данное словосочетание возможным для понимания и дальнейшего использования. Употребление слов в необычных для них контекстах (словосочетаниях) – когда определяемое слово обогащается новой семой – является одним из основных способов увеличения в них количества сем и расширения содержания их значений в индивидуальном лексиконе человека. Понятно, что самой благодатной почвой для пополнения семантической структуры слов у отдельного носителя языка является поэзия (художественная литература и отчасти наука).

Как в представляющихся разными на молекулярном уровне веществах (к примеру, воздух и вода) лишь при рассмотрении на более глубоком уровне обнаруживаются одни и те же атомы (кислорода и водорода), так и в представляющихся разными по значению словах на «атомарном» уровне обнаруживаются общие семы. К примеру, в метафорическом сравнении *ученье – свет* в первом слове содержится сема «информация», в слове *свет* также актуализируется информативность, которую он являет (отсюда: *умная голова – светлая голова*). Чтобы ориентироваться в пространстве, требуется или освещенность, или его знание, которое, подобно прожектору, рассеивает темноту. В образном сравнении знания со светом нет условности: метафора поймала и точно выразила тот основной смысл, ту общую сему, которая является сутью света и знания, благодаря чему эта связь стала общеупотребительной и легла в основу привычных номинаций (*министерство просвещения* и др.). Таким образом, художественная действительность представляется условной только при поверхностном взгляде, а при детальном рассмотрении она содержит точное выражение действительно положения дел, благодаря чему поэзия и оказывается столь востребованной.

¹ Дали лунно-талые, темно-снежный путь, выси мутно-лунны, сине-прозрачных высот, нетронуту-торжественном уборе, кротко-синие лучи, запыленно-зеленых кленах, раскатно-гулкие шары, бело-алые, пыльно-зыбкой позолотой, кристально-чистые, хмельно-розовым напитком, мучительно-черных крыла, безнадежно-больное солнце, уверенно-зыбкой постройки, линияло-ветхом небе, тучи дымно-далеки, грязно-бледных дней, высей бледно-безбрежных, думстранница, флаг линияло-зеленый, обиженно-сердито, священнодействовал, кто-то жалостно-чуткий, искривленно-жуткий и мучительно-черный стручок, привольно-темно, убого-слабодушной нищете, памятник сладостно-воздушный, бело-тревожно дыханье, тихо-печальное, так сладко-непонятно, недвижно-бессонной ночи, томительно-душно, бумажно-бледна, тени нежно-желанны, гулко-каменных твердых, в пустыне зыбко-жгучей, полусвет-полутьма, старуха-мать, Нева буро-желтая, ласково-зыбкий луч, грезы несбыточно-дальней и т.д. [1].

При анализе поэтического образа на основе семантической структуры слов на месте кажущейся условности появляется такая точность, которая оказывается совершенно недоступной для рационального сознания находкой. Если при обычном употреблении люди оперируют поверхностными значениями слов, то поэтический образ строится на выявлении тончайших нюансов значения, которые обнаруживают себя только при различении в слове нескольких десятков или сотен входящих в его структуру сем.

У многих поэтов можно встретить слово *болеть* в значении «любить»: «*Но узнаю по всем приметам / Болезнь любви в душе моей*» [11, с. 226], «*Я наткнулась на это случайно / И с тех пор все как будто больна*» [3, с. 70], «*Мне нравится, что вы больны не мной...*» [14, с. 153], «*Ваш сын прекрасно болен! / Мама! / У него пожар сердца*» [9, с. 51] и др. Является ли такое употребление условным? Оказывается, нет: метафора зафиксировала невидную с первого взгляда, но реальную связь между явлениями. Как известно, любовь внесена Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в реестр заболеваний под номером F 63.9. Влюбленность характеризуется «симптомами обсессивно-компульсивного расстройства: навязчивые мысли о другом, резкие перепады настроения, жалость к себе, бессонница, необдуманные поступки, перепады артериального давления, головные боли, аллергические реакции» [16], в связи с чем отнесена к психическим отклонениям (к пункту «Расстройство привычек и влечений»), наряду с алкоголизмом, токсикоманией и игроманией.

Получившее широкое распространение сочетание *разбитое сердце* является метафорой, в которой, как правило, усматривается условность. На самом деле никакой условности нет, поскольку современной медициной получены доказательства того, что «такие стрессовые события, как расставание, развод, потеря любимого человека, предательство, вызывают глубокие эмоциональные переживания, приводящие в действие определенные химические соединения мозга, которые значительно ослабляют работу сердца, приводят к появлению сильных болей в груди и затрудненному дыханию – симптомам сердечного приступа» [17]. В медицине данное состояние получило название «синдром разбитого сердца».

Обращение *солнце мое* также нельзя считать условным, поскольку в этом сочетании актуализируется сема «невозможности жизни» без этого человека, который необходим говорящему так же, как солнце необходимо для жизни на Земле. Именно «жизненная необходимость» является той семой, на которую указывает говорящий.

Условность понимания определенного слова иногда выражается заключением его в кавычки – часто это связано с употреблением слова в непривычном для него значении. Однако и в этом случае правомерность кавычек многими ставится под сомнение, поскольку и при необычном употреблении автор выражает данным словом вполне конкретное значение, которое имеется в семантической структуре слова. Именно это обстоятельство имел в виду выдающийся советский поэт М. Светлов в ставшем афоризмом выражении: «Кавычки – для идиотов» [6, с. 156].

В силу своей чувствительности поэт может увидеть связь явлений, для обычного человека представляющихся далекими друг от друга. Если определенное значение (сема) найдено в далеких по смыслу словах, это говорит об обнаружении связей в мире вещей и реалий, что приводит к появлению новых ассоциаций и, соответственно, мыслей. Если бы у сравнений и метафор не было реальной основы и силы, они бы отпали за ненадобностью. Востребованность их связана с тем, что поэты отмечают реальность, которая оставалась незамеченной. Таким образом, поэт открывает людям глаза на особенности мира, которые становятся достоянием каждого. По образному выражению В. Хлебникова, «нужно сеять очи. Впереди должен сеятель очей идти» [15]. Читатель начинает видеть мир так же зорко, как его видит пророческое око поэта.

Таким образом, любую метафору (сравнение или эпитет) нужно понимать буквально, поскольку в поэзии по большому счету обнаруживается непостижимый уму расчет: «*Ширококрылых вдохновений / Орлиный, дерзостный полет, / И в самом буйстве дерзновений / Змеиной мудрости расчет*» [13, т. 1, с. 112]. Последнее слово выделено нами – так характеризует Ф. Тютчев в стихотворении «Наполеон» свойственную гениям точность образа, «освящающая сила» которого основана на глубоком смысле, не поддающемся с первого взгляда рациональному объяснению. Именно эта особенность и вызывает непреходящий интерес к произведениям искусства.

Человек воспринимает себя субъектом, который со всем окружающим миром строит отношения посредством очень важного для него инструмента – языка: размышляя на основе национального языка, человек в своем сознании оперирует образами реалий действительности. Поскольку слова не только называют предметы, но и фиксируют в своем значении их признаки, для эффективной мыслительной деятельности человеку необходимо богатство его языка. При этом подразумевается не только количество слов в индивидуальном словаре, но и (что очень важно!) «качество», содержательность значения слова, т.е. количество сем в смысловой структуре каждого слова, выражающее совокупное знание об объекте. Именно от количества сем в слове зависит его валентность – способность образовывать связи с другими словами, сказывающаяся на примитивности или изощренности возникающих мыслей.

Так как процесс освоения мира способствовал становлению и продолжает способствовать совершенствованию человека, смысл вещей представляется наиболее ценным достижением человека, почему человечество испокон веков и находится в постоянной погоне за информацией о мире. Эту деятельность, в которой принимают участие как отдельные люди, так и огромные коллективы и целые государства, можно сравнить с работой старателей во времена золотой лихорадки. По своей значимости наименьшие элементы значения – семы – для человека представляют такую ценность, которую не сравнить ни с каким драгоценным металлом, потому что накапливаемая в словах информация о мире является строительным материалом мыслительной деятельности каждого человека.

Создавая в словах дополнительные семы и повышая тем их валентность, поэты совершенствуют и оттачивают национальный язык как чрезвычайно важный общенародный и вместе с тем индивидуальный для каждого человека инструмент освоения действительности. Как о значимости поэзии, так и о причине почитания народом поэтов высказался В. Маяковский:

*«Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча, в годы труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.
Но как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с тлением слова-сырца.
Эти слова приводят в движение
Тысячи лет миллионов сердца»* [8, т. 7, с. 119].

Востребованность поэтов связана с тем, что необычными сочетаниями слов они накапливают семантический потенциал отдельных слов и всего национального языка, которым пользуется каждый человек. В этом плане вклад гениальных поэтов в развитие языка не вызывает сомнения. Вопрос может возникнуть относительно посредственных поэтов, чье творчество почему-то тоже оказывается востребованным. В ответ на этот вопрос также можно провести аналогию с драгоценными металлами: как золото добывают не только в виде самородков, но и в породах с малой концентрацией, так и вещество поэзии обладает ценностью, востребованной в любых количествах.

Таким образом, можно утверждать, что востребованность поэзии предполагает несомненное наличие её пользы. В связи с фрагментарной природой любого языка становится актуальным стремление поэтов освоить не охваченное языком смысловое пространство действительности. При семном анализе смысловой структуры входящих в метафорическое сочетание слов обнаруживается, что содержание поэтических тропов нужно понимать не как условность, а как реальность, поскольку соотносимые семы совпадают абсолютно. Употребление слов в необычных для них контекстах (словосочетаниях) является одним из основных способов увеличения в них количества сем и расширения содержания их значений. Повышая валентность слов посредством создания в них дополнительных сем, поэты расширяют семантическую структуру лексики как индивидуального словаря читателя, так и национального языка в целом.

Список источников

1. Анненский Ин. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
2. Анненский Ин. Лирика. Л.: Художественная литература, 1979. 367 с.
3. Ахматова А., Цветаева М. Стихотворения, поэмы, драматургия, эссе. М.: Олимп, 2002. 749 с.
4. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.: АСТ, 2011. 700 с.
5. Вознесенский А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. 464 с.
6. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М.: Эксмо, 2006. 225 с.
7. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Наука, 1979. Т. 1. 381 с.
8. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Художественная литература, 1955-1961. Т. 7. 536 с.
9. Маяковский В. В. Стихотворения. М.: Эксмо, 2002. 381 с.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
11. Пушкин А. С. Лирика. М.: Эксмо, 2009. 384 с.
12. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1981. Т. 2. 782 с.; Т. 4. 595 с.
13. Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 384 с.
14. Чудное мгновенье. Любвиная лирика русских поэтов: в 2-х кн. / сост. Л. Озерова. М.: Художественная литература, 1988. Кн. 2. 431 с.
15. <https://slova.org.ru/hlebnikov/odinokijlitsedej/> (дата обращения: 06.06.2019).
16. <https://ukranews.com/news/111350-lyubov-vnesly-v-reestr-psykhicheskikh-zabolevaniy> (дата обращения: 09.06.2019).
17. https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ffilive.com.ua%2Fhealth%2Fsindrom-razbitogo-serdca_115292i15949.html&d=1 (дата обращения: 12.06.2019).

POETICAL IMAGE AND SEMANTICS OF NATURAL LANGUAGE

Kadimov Ruslan Gadzhimuradovich, Doctor in Philology, Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
yazik-kultura@mail.ru

The article examines the contradiction between the remarkably high status of a poet among his compatriots and the fact that poetry seems to be of little practical value for an individual. The author examines one of the motives, which cause the need for poetry. This motive consists in establishing new, unfamiliar to the national linguistic consciousness semantic relations between phenomena of reality. The paper justifies the thesis that creating unusual word combinations, poets accumulate the semantic potential of certain words and the national language on the whole.

Key words and phrases: need for poetry; semantic potential; discreteness; national language; valence; metaphoricity.